

И, наконец, уныние можно обнаружить в каждом произведении австрийской Нобелевской лауреатки. Художественные произведения Э. Елинек иллюстрируют восприятие писательницей действительности *ex negativo*. В эстетике автора центральное место занимает категория безобразного, за которой в духе Г. Э. Лессинга признается право показа в искусстве. Критически воспринимая окружающий мир, писательница фиксирует внимание исключительно на негативных чертах современного общества. Как следствие, у нее отсутствуют положительные характеры и перспективы положительного исхода ситуации.

В конфликтах, изображенных Э. Елинек, нашли выражение вечная борьба нравственного и безнравственного. Беспринципность социальной практики приводит характеры писательницы к духовному оскудению.

Т. А. Рохлина (Рязань, Россия)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЗМА В НЕМЕЦКОМ ШВАНКЕ

Тексты, отражающие проявления смеховой культуры, несомненно, заслуживают внимания культурологов, филологов и лингвистов: их языковое оформление дает представление о некоторых национальных особенностях мировосприятия, о том, над чем и как смеялись предыдущие поколения. Наш интерес направлен на яркий, самобытный для немецкой культуры и малоизученный литературный жанр – немецкий шванк. Он представляет собой короткий шуточный рассказ, в котором представлен комический конфликт и изображены некоторые социальные типы (крестьянин, священник, адвокат) или отрицательные персонажи (глупец, хвостун), которые обводят друг друга вокруг пальца, ставят в неудобное положение или высказывают мудрое мнение [1, S. 423]. Персонажи шванка противопоставлены друг другу как победитель и побежденный [2, S. 138] (в нашей интерпретации – как обманывающий и обманутый персонажи).

С одной стороны, шванк обладает национально-культурной спецификой, с другой стороны, он является последователем соответствующих французских (фаблио) и итальянских (фацетии) жанров, что позволяет включить и рассматривать шванк в контексте западноевропейской смеховой культуры и западноевропейской картины мира XV–XVI вв.

С позиций современника язык шванков не кажется остроумным, но именно этот язык является незаменимой составляющей жанра. Язык шванков и комический эффект становились предметом исследования зарубежных (В. Дойферт, Э. Мозер-Рат, З. А. Нойманн, Н. Нойманн) и некоторых отечественных (Б. Пуришев, И. В. Десятникова) исследователей. В имеющихся работах исследуются литературоведческий и лексико-стилистический аспекты выражения комизма, грамматическая же сторона, будучи не столь

ярко выраженной, остается до сих пор вне фокуса внимания лингвистов. В нашем исследовании мы обратились к изучению шванков с позиций грамматики текста и сосредоточили внимание на референтной структуре текстов шванков.

В текстовых референтах находят воплощение темы и образы немецких шванков. В качестве основных референтов выступают персонажи, обозначаемые посредством указания профессии/рода деятельности (*der Wirt* ‘хозяин’, *der Pfaffe* ‘поп’, *der Diener* ‘слуга’ и т.д.); социального положения (родственных связей) (*der Sohn* ‘сын’, *die Tochter* ‘дочь’, *der Edelmann* ‘аристократ’ и т.д.) и федеральной земли/региона проживания (*der Bayer* ‘баварец’, *der Schwabe* ‘шваб’, *der Sachse* ‘саксонец’). В качестве второстепенных референтов выступают персонажи и предметы, с которыми взаимодействуют персонажи: предметы обихода (*das Bett* ‘кровать’, *das Geld* ‘деньги’, *die Kleider* ‘одежда’ и т.д.); еда и напитки (*die Eier* ‘яйца’, *das Brot* ‘хлеб’, *der Trunk* ‘напиток’ и т.д.); религиозные понятия (*das Kruzifix* ‘распятие’, *Gott* ‘Бог’, *die Kirche* ‘церковь’ и т.д.); понятия, связанные с жизненными циклами (*die Hochzeit* ‘свадьба’, *der Tod* ‘смерть’, *der Totenbaum* ‘гроб’ и т.д.); домашний скот/животные (*das Pferd* ‘лошадь’, *der Esel* ‘осел’, *das Schaf* ‘овца’ и т.д.); локальные обозначения (*das Gericht* ‘суд’, *das Wirtshaus* ‘постоялый двор’, *die Kirche* ‘церковь’ и т.д.); обозначения, связанные с естественными отправлениями (*der Harn* ‘моча’, *der Furz* ‘газы’, *die Scheiße* ‘дерьмо’); части тела (*der Hintern* ‘зад’, *die Hand* ‘рука’, *das Gesicht* ‘лицо’ и т.д.) [3, л. 22–23].

Анализ референтов и референтной структуры шванка способствует не только установлению тем, имеющих значение для бюргеров XV–XVI вв., но и, что представляется более глобальным, выявлению специфичности репрезентации жанровых особенностей шванка как поучительного и комического произведения на текстовом уровне и в итоге ведет к раскрытию своеобразия мировосприятия немецкоязычной общностью в эпоху Возрождения.

Рассматривая шванки с позиций когнитивно-коммуникативного подхода, отметим, что коммуникативная ситуация шванка двуслойна: 1) плоскость коммуникации «персонаж – персонаж» и 2) плоскость коммуникации «автор шванка – читатель». Комический эффект в произведении обусловлен непониманием коммуникантов. В плоскости «персонаж – персонаж» один из персонажей является обманывающим, второй – обманутым, в плоскости «автор шванка – читатель» перед автором стоит задача рассмешить читателя, представив ему обманутого, глупого персонажа [3, л. 54–55].

Анализ языкового оформления текстовых референтов в речи персонажей и в авторской речи показал, что ситуация непонимания персонажей-коммуникантов происходит при попытке идентификации объектов действительности: известный объект воспринимается персонажем-адресатом как неизвестный и наоборот. Такому представлению экстралингвистической ситуации служит манипулирование видами референции: интродуктивной

(предмет известен только говорящему) и идентифицирующей (предмет известен как говорящему, так и адресату) (в терминологии Н. Д. Арутюновой). В немецком языке наиболее универсальным способом выражения референции является артикль. Определенный артикль служит сигналом идентифицирующей референции, неопределенный артикль является сигналом противоположного значения [4, с. 106].

В шванке М. Линденера *Von einem Goldschmied und [einem] armen Studenten* ‘О золотых дел мастере и о нищем студенте’ (перевод В. Топорова) главный персонаж шванка – золотых дел мастер – хочет уличить неверную жену в измене. Для этого он обманом убеждает своего подмастерья отправиться к нему домой и соблазнить его супругу, выдавая ее за неизвестную женщину:

Dem Student gab er Antwort und sprach: ‘Lieber guter Jüngling, ich habe kein Geld bei mir, aber willst du mir folgen, so will ich dich an einen Ort weisen, wo du Kurzweil und Freudenspiel mit einem schönen Weib haben sollst und man dir dennoch Geld genug dazu geben wird... [5, S. 251–252] ‘И ответил он студенту так: ‘Нет у меня здесь в мастерской ни гроша, но если, добрый и милый юноша, ты последуешь моему совету, я укажу тебе место, где ты можешь скоротать времечко и получить свое удовольствие с пригожей бабенкой, да еще и денег тебе за это отсыпят’ (перевод В. Топорова) [6, с. 102].

Вместо идентифицирующей референции (для безошибочной идентификации референта персонажем-адресатом) говорящий употребляет интродуктивную референцию, выраженную в языке именной группой «имя существительное + неопределенный артикль + прилагательное», для обозначения известного объекта (своей супруги), чем умышленно вводит в заблуждение своего собеседника. Только в концовке шванка раскрывается действительное положение вещей, при котором к известному объекту действительности применяется идентифицирующая референция с соответствующими референтными проводниками (определенный артикль, придаточное определительное предложение, притяжательное местоимение), обеспечивающими безошибочную идентификацию референта персонажем-адресатом:

*Mein lieber Junge, **die Frau, mit der du so gehandelt hast, ist meine Ehefrau**... [5, S. 256]* ‘Милый юноша, **женщина, с которою ты так позабавился, – моя законная супруга...**’ (перевод В. Топорова) [6, с. 104].

Для читателя умысел обманывающего персонажа ясен с самого начала, поскольку автор шванка в авторской речи употребил виды референции, адекватные объектам действительности (для введения нового текстового референта – интродуктивная, для именованного уже известного объекта – идентифицирующая референция).

Грамматические и лексические средства в речи персонажей и в речи автора, оформляющие референтную структуру текста, представляют несовпадение в мирах персонажей, высвечивают факт обмана одного персонажа

другим. Именно этот факт одурачивания, игравший одну из главных ролей в комизме Средневековья и Возрождения, представляется читателю при помощи указанных средств, чем достигается комический эффект в немецком шванке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Neumann, S. A.* Den Spott zum Schaden: Prosaschwänke aus fünf Jahrhunderten / S. A. Neumann. – 2. Aufl. – Rostock : Hinstorff, 1977. – 467 S.
2. *Deufert, W.* Narr, Moral und Gesellschaft. Grundtendenzen im Prosaschwank des 16. Jahrhunderts / W. Deufert. – Bern, Frankfurt / M., 1975. – 158 S.
3. *Рохлина, Т. А.* Языковая репрезентация комического в жанрах немецкой смеховой культуры (на примере немецкого прозаического шванка) : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Рохлина. – М., 2016. – 174 л.
4. *Москальская, О. И.* Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков) / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.
5. *Lindener, M.* Rastbüchlein / M. Lindener // Deutsche Schwänke in einem Band. Ausgewählt, übertragen und eingeleitet von G. Albrecht. – Weimar : Volksverlag, 1961. – S. 251–257.
6. *Линденер, М.* Книжица для отдохновения / М. Lindener; пер. В. Топорова // Немецкие шванки и народные книги XVI века. – М. : Художественная литература, 1990. – С. 102–110.

А. С. Самофалова (Тюмень, Россия)

КОГНИТИВНАЯ МАТРИЦА КОНЦЕПТА-ОППОЗИЦИИ «ГЕРОЙ–АНТИГЕРОЙ» ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ю. ЖИВАГО (на материале произведения Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»)

Языковая личность представляет собой многогранный объект лингвистических исследований, который может быть рассмотрен с различных позиций. Термин «языковая личность» трактуется посредством понятия индивида, носителя лингвокультуры, «человека говорящего». Несмотря на это, главным параметром является исследование языковой личности в антропоцентрическом ключе, где именно человек выступает субъектом, осознанно производящим свою деятельность.

В центре внимания настоящей статьи находится концепт-оппозиция «герой–антигерой», выступающий как системно-текстовый элемент языковой личности, раскрывающий сущность главного героя в исследуемом романе. Источником материала исследования послужил текст романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», где главным действующим лицом является Юрий Живаго.